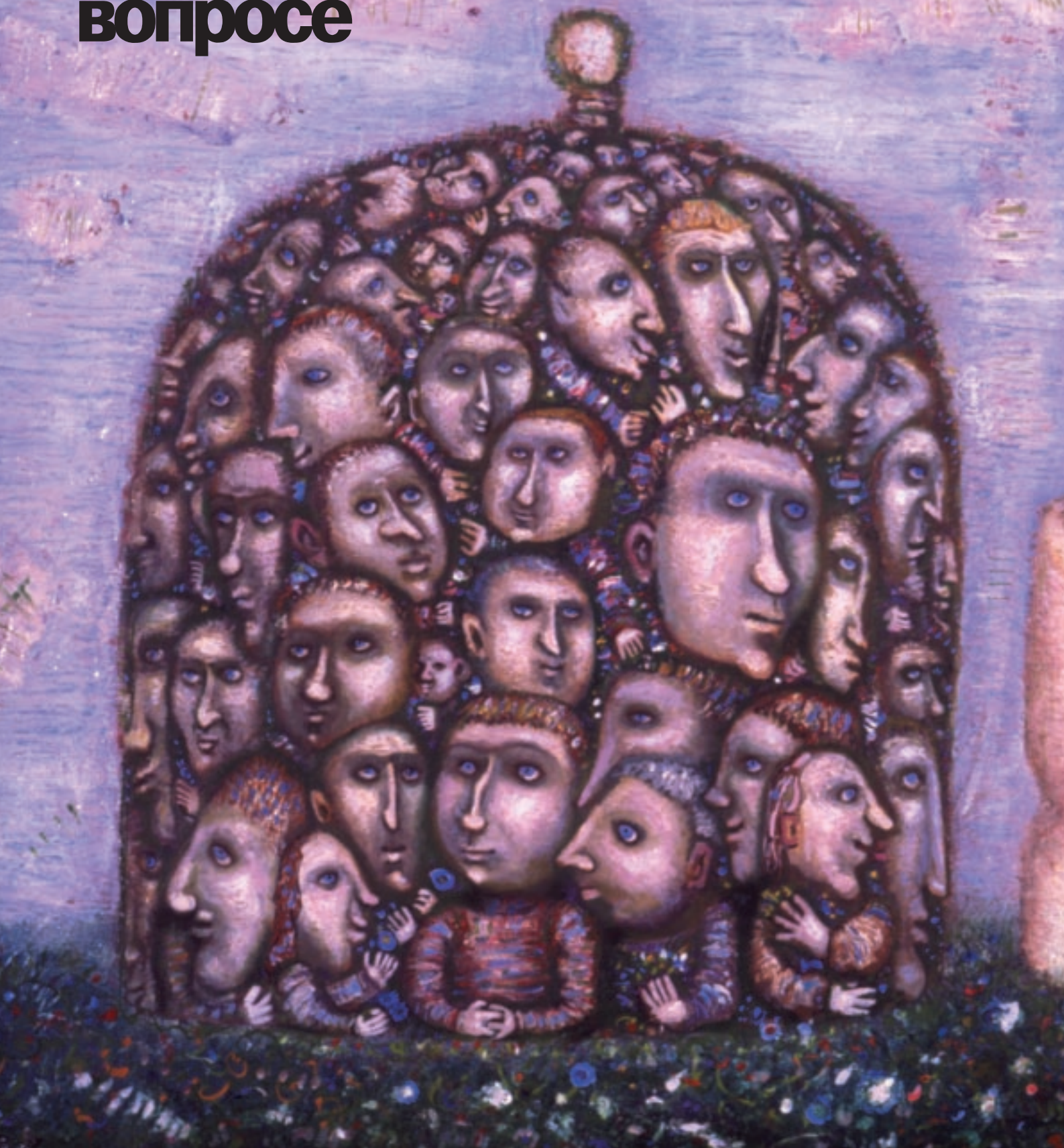

Еще о квартирном вопросе

Елена Клещенко

ФАНТАСТИКА

1. Год 2008. Двое в пустом доме

Первый раз Дэн заходил сюда вчера. Постоял, осмотрел дверь, затем позвонил.

— Кто? — неприятным женским голосом осведомился динамик.

— Прошу прощения, Валера не у вас?

— Не знаю никакого Валеры, пошел вон...

У Дэна пропал племянник. Как пропал? А так, как пропадают дети изрядного возраста: ушел из дома с девушкой. Плачущая Ольга рассказала, что мерзкая, отвратительная иногородняя девица охмурила Валерку и устроила у них в квартире настоящую оргию — какой-то праздник по случаю зимнего солнцеворота, а она ко всему прочему еще и сектантка-язычница, и когда Ольга, Валеркина мать и Дэнова сестра, сказала девице, чтоб та убиралась...

Такую проблему мог решить только Дэн: отца, о котором стоило бы говорить в приличном обществе, у Валерки никогда не было. Дэн начал грамотное расследование, но племянничек как в воду канул. Не проявлялся нигде: ни на зачетах, ни на первом экзамене, ни на новогодней вечеринке, ни у друзей, ни на известных друзьям конспиративных квартирах. Аналогичная картина была и с Ксенией, в тусовке известной под именем Кхар, — поиск в Интернете показал, что это может быть индийская фамилия или же название экзотического блюда. Так или иначе, Ксению-Кхар не искал вообще никто: ее родные жили не только в другом городе, но даже в другой стране, а друзья и знакомые вяло отвечали, что она никому ничего не обещала и может быть в Эгладоре, в нирване или вообще в Питере.

Дэн уже и сам начал думать, что молодые негодяи могли уехать из Москвы: хотя денег у них было немного, но немного, судя по всему, было и ума. И тут Валерку заложила его однокурсница. Для его же блага, конечно, или из зависти к сектантке-язычнице. Однокурсница встречалась с Валеркой после его исчезновения из дома, отдавала какие-то компактны. Она и назвала адрес, правда, с оскорбленным видом отказалась сообщить, откуда он ей известен. А по адресу оказался динамик на двери и

злобная баба, которая не знала никакого Валеры. Как и ее соседи по площадке.

Оставалось верить, что ревнивая однокурсница, перепутав адрес, все же не наврала в главном: непутевый племянник — в Москве и рано или поздно объявится... Но под динамиком на двери квартиры висела маленькая коробочка. Совсем маленькая, с сигаретную пачку. Дэн знал, что это за коробочка. Не примочка к динамику, не система видеонаблюдения и не сигнализация, а нечто совершенно иное. Пару лет назад в городе Троицке Дэн был знаком с человеком, который впервые сделал такую коробочку. Этот дядька мог бы стать миллионером, и действительно стал, но только не в Троицке, а в аналогичном маленьком городке на территории Великобритании. В общем, Дэн еще раз навестил рыдающую Ольгу, включил Валеркин компьютер и моментально нашел то, чего искал...

Сегодня на звонок никто не отозвался. Дэн открыл включенный заранее ноутбук, вытянул разъем на шнуре. Долго копаться было нежелательно: как знать, не бдит ли кто у глазка соседней двери? Отковырять пластинку, воткнуть-ся, нажать несколько клавиш...

На двери проступили надписи. Не серебриющиеся, не светящиеся и нисколько не таинственные: имена, оскорбительные прозвища, телефоны, аськи, а также картинки: листья конопли и другие нехорошие предметы. Оба замка оказались выломаны. Дэн толкнул дверь.

Наверное, когда-то это была очень приличная квартира, с мебелью и всем прочим. Теперь в коридоре осталась лишь одинокая вешалка, на которой висели две куртки, темно-зеленая и красная-металлик, а на полу валялись сапожки и кроссовки. Из комнаты доносились звуки виртуальной стрельбы.

— Не поняла!.. — сказала дева, оборачиваясь от экрана.

— Зато я понял, — отрешенно вздохнул Валера. Он сидел у ног подруги и вставать не торопился.

Никаких следов оргий и сектантства в комнате не наблюдалось, кроме разве что лифчика, висевшего на спинке стула, да нескольких книжек, на которых были изображены всякие малосимпатичные существа. Книги были те самые — о Темных Мирах, Темных Богах и других Темных Личностях, о Смерти, Неправде, Пессимизме и Несокрушимой Любви, — все, что так нравится молодежи, чьи пути впервые пересек Жареный Петух... Впрочем, племянник и его девушка выглядели чистыми и трезвыми. Разве что бледноватыми.

Дэн двинулся к ним мерными шагами Терминатора. Валерка подобрал ноги и поднял руки, прикрыв ладонями уши. Бить единственное чадо незамужней сестры Дэн никогда себе не позволял, ни в Валеркином детстве, ни позже, и ограничивался лишь серьезными разговорами. Но в самых специальных случаях — крутил ухо. Например, восемь лет назад, когда ребенок намазал кота депилятором (зверь, к счастью, не сдох, но шерсть, как и обещала реклама, вылезла мгновенно и долго потом не отрастала). Или два года назад, когда нашел у паршивца самопальное устройство для взлома банкомата.

— Это твой Дэн, да? — спросила дева. (Кому Дэн, а кому и Даниил Александрович, подумал суровый дядюшка.) — Вам чего?..

Валерка молчал. Перед ним на табуретке стояли две пилалы, одна с пельменями, другая вроде бы с капустно-майонезным салатиком, присыпанным тмином. Дэн вообразил себе одинокий вялый кочан в пустом холодильнике, пакет с последними пятью пельменями в морозилке. Вспомнил, как оно бывало: первая жизнь вдвоем, первые страшные

ссоры с непривычки и неустройства, раздолбанный магнитофон поет молодой паре об одиночестве и суициде, голод и голод мешают уснуть даже после любви, — вспомнил и почувствовал симпатию к «мерзкой иногородней девице». Описание оргии могло быть преувеличенным: Ольгин характер он знал прекрасно. С другой стороны, заподозрить Валерку в самостоятельном приготовлении салатика было невозможно.

Дэн глянул на племянника сверху вниз и сказал ровным голосом:

— Нагулялся? Бери шинель, пошли домой. Мать в гроб загоняешь, скоро под капельницу ляжет.

— Я не пойду, — сказал Валерка.

— Он без меня никуда не пойдет, — одновременно с ним заявила Ксения-Кхар.

— Ясное дело. Как же нам без тебя-то, — согласился Дэн.

2. Год 2010. Квартира 29-бис

— Я сейчас скончаюсь, — такими словами встретила Дэна законная супруга.

— И Машка останется сиротой, — спокойно добавил муж. — Что тебя мучит?

— Трансформер! Зачем ты купил ребенку эту мерзость?

— Почему мерзость? Ребенок, по-моему, счастлив.

— Ребенок, может, и счастлив. Хотя в инструкции, чтоб ты знал, написано, что устройство предназначается для развития у дошкольника креативности и фантазии! Я не понимаю: у нашего ребенка, что, проблемы с фантазией?

— Ну ладно, что случилось?

— Терпение лопнуло. Вот представь: привела Машку из садика, переоделась, иду на кухню, а в туалете сидит зебра.

— Кто?

— Зебра, зебра! Знаешь, лошадь такая в полосочку! Перед, то есть морда и ноги — в коридоре, задняя часть усе-лась на этот самый... Не понимаю, что смешного! Я стою, размышляю: правду, значит, пишут, что от абсента бывают глюки, только кто бы мог подумать, что они начинаются не сразу, а дня через два-три — пили-то мы его когда?.. А зебра и говорит человеческим голосом: «Мама, давай как будто я зебра, а ты нашла меня на улице и взяла домой! Не беспокойся, я уже умею сидеть на унитазе! Ты рада?» Прикинь!

Дэн слабо попискивал и хватал ртом воздух. Глядя на него, Аня сама начала смеяться.

— Папа! — Дверь детской щелкнула, и в коридор вылетело тощее создание серо-зеленого цвета с перепончатыми лапами и клювом вместо носа.

— Это что? — осведомился Дэн.

— Каппа, японский водяной, — ответила Аня. Японский водяной подбежал к Дэну и повис у него на шее, тоненько вереща. — И как это тебе?

— Нормально, — сказал Дэн, стараясь не замечать сарказма в голосе жены. — Я же чувствую, что там внутри Машка... — Он ухватил клювастого монстра за бока — тот заверещал громче и начал вырываться. — В кофе шерстяной...

— Вот-вот. Мне надоело, что я даже не вижу, во что она одета, в тапочках или босиком. Надоело находить в кровати вместо ребенка всякую пакость — то дракона, то Горлума, то метровую куклу Барби, то песчаного червя с планеты Дюна. (Тут Машка залилась счастливым хохотом.) Надоело! Сделай что-нибудь.

— Что?
— Почисти базу образов! Убери хотя бы гадов и червей.
— Нет, нет, нет! Папа, давай оставим песчаного червя! — завопила каппа. — Я буду его не очень часто загружать! Мама, не стирай червя, пожалуйста!
— Ладно, девушки, вы решите этот вопрос между собой, — сказал Дэн, — а мне еще надо к предкам зайти.
— Уходишь от разговора, — констатировала Аня.
— Да нет, ну что ты, я все понял.
— Вот расскажи Алле Сергеевне про гадский трансформер — увидишь, что она тебе скажет.
— Не буду.

— Потому что бабушка в обморок упадет, да, папа? — уточнила каппа, переливаясь из зеленого цвета в лиловый и беззвучно щелкая клювом.

Дэн вышел на лестничную клетку и повернул переключатель. Дверь не изменилась, только на овальной плашке с номером квартиры появилась маленькая двоечка, которую прорисовал отец. Получилось 29-2.

Дверь открыла мама.

— Привет, заходи. Хоть почаще теперь тебя видим.

— Ходит как к себе домой! — отозвался из кабинета отец. Шутка стала уже привычной.

Обои здесь оставались старые, бежевые с букетами тонко прорисованных злаков: десять лет назад казалось шикарным, сейчас уже не так. В той квартире, где жил Дэн с женой и дочерью, были обои с радужными волокнами и эффектом перламутра, которые Аня купила со скидкой. После того как для Дэновой жены сбылась хрустальная мечта каждой москвички — чтобы спальня и гостиная были в разных комнатах, — в новом жилье она устроила прямо таки невероятную красоту.

Жить в столице хорошо. Спокон веков цари, короли и герцоги, прочие начальники знали: из всех обязательств перед подданными самые обязательные — те, которые даются подданным, проживающим вблизи от резиденции. Которым в случае чего ближе всех бежать с колымаги или другими средствами восстановления справедливости. Отсюда совершенно понятно, что условия проживания в столицах лучше, чем в среднем по стране. Люди не могут этого не замечать — отсюда жилищный кризис и квартирный вопрос.

Родители, когда Дэн предложил им, сначала ужаснулись. Но потом обдумали и взвесили: с одной стороны, неопределенность параллельного мира, не совсем узаконенного и в физике, и в жилищном кодексе, а с другой — варианты размена, один другого страшнее, с доплатой, но с проживанием в Братееве или Новопеределкине, либо с полулегальной пропиской в хрущобу под снос, дабы потом из нее переселили в новостройку, совсем уже страшно подумать где! (О покупке квартиры в семье научных работников речь не шла. Мама и Аня получали немало, а Дэн и отец — даже очень прилично, но все равно не СТОЛЬКО.) А теперь возьмем первый вариант: всего лишь одна чисто техническая манипуляция, и пожалуйста: вместо одной любимой, удобной и полностью меблированной квартиры получают две. Две — причем раздваиваются и новая ванна, и стиральная машина, и тремя поколениями собранная библиотека, и у Маши будет личная детская, а у отца — кабинет, и в то же время — внучку отправить к бабушке с дедушкой без проблем, живем-то на одной лестничной клетке...

Фактически по-прежнему в одной квартире. Только в разных мирах.

ФАНТАСТИКА

Маленькая коробочка, открывающая вход в параллельное пространство (в московском сленге уже появилось словечко «портал» — спасибо, хоть не «врата»), завоевывала город так же необратимо и стремительно, как двадцать лет назад Интернет или мобильный телефон. Но если мобилами сначала заинтересовались богатенькие, то порталы первыми начали ставить люди среднего достатка — те, чьих доходов, как правило, хватает на еду. Жилищную проблему обеспеченный человек решает традиционным путем, для него два особняка по цене одного — непристужно, не по понятиям. Зато человеку небогатому две двухкомнатных вместо одной бывают нужны ну просто до зарезу. А если подумать, то и богатому не помешают магазин и склад в одном флаконе. Ради такого стоит рискнуть...

Всех, конечно, интересовало, что произойдет, если прибор перестанет работать. Портал — всего лишь коробочка с электронной начинкой, да еще и Windows-совместимой. А ну как эта маленькая дрянь испортится и обитатели первой квартиры вместе с мебелью и прочим окажутся во второй... или наоборот? Однако при пробных отключениях ничего подобного не происходило. Участок пространства, единожды раздвоившись, не сливался снова в одно целое и, вероятно, должен был оставаться двойным до конца времен. Другое дело, что только работающий портал давал возможность выбирать нужное пространство: без него жилец никогда не знал, увидит ли он, выходя из лифта, квартиру 29 или 29-бис. Но если работает лифт, то кто мешает спуститься и подняться еще разок? Без лифта, скажу я вам, куда хуже, чем без портала...

Был тут, правда, еще один нюанс. Проникать в одно из двух, и именно в нужное пространство можно было только через портал — то есть, как правило, через дверь. А насчет брошенного в окно букета никто не мог знать, влетит ли он в квартиру к девушке или к маме девушки... Положим, в наших широтах не так часто что-нибудь бросают в окна. Но удвоенные пространства обычно имели форму сплюснутой сферы — то есть не совпадали с кубатурой квартиры, а вылезали за ее пределы. Соседи счастливых обладателей порталов иной раз буквально зверели: ведь сам же, черт подери, клал на полочку бумажник, потом смотрю — нет бумажника, все обыскал — нету, смотрю опять — лежит на полочке!.. Пожаловаться бы куда-нибудь, но нельзя же, в самом деле, писать в заявлении: полдня не мог найти деньги, а потом вдруг нашел, помогите! Другие граждане вскоре после того, как их соседи поставили портал, с изумлением обнаруживали, что, например, книги на стеллаже или свитера в шкафу у смежной с соседями стены существуют в двух экземплярах: одна книга на столе лежит, а вторая такая же на полке стоит... Но жаловаться на это было бы еще более странно.

Официальные средства массовой информации, как только заговорили о параллельных пространствах (ПП — ду-

рацкая аббревиатура, но другой взять неоткуда) и конкретно о ПП-жилплощади, начали с того, что пребывание в параллельном мире опасно для здоровья, вызывает, естественно, рак и кардиопатологию. Ученые отмалчивались... Но здесь у Дэна был мощный контраргумент. В хрущобе, которую они с Аллой Сергеевной ездили смотреть, владельцы не рекомендовали отодвигать шкаф от стены, чтобы она не рухнула. Пространства пространствами и порталы порталами, а цивилизация породила немного явлений, столь же опасных для здоровья, как и кирпич на голову.

Мама, ясно, сразу выставила на стол картошку с мясом, а к чаю подала бисквитный пирог со сливами. Половина пирога улеглась в пластиковую коробку — с тех пор как у Машки выросли зубы, все попытки Дэна пролепетать «себе-то оставьте» разбивались о железное: «Если сами не будете есть, возьми для ребенка!» Дэну жевал и слушал рассказ о том, как матушкина сослуживица Татьяна Михайловна, дама неприятная во всех отношениях, пошла в Торговый центр за подарком к свадьбе для дочери подруги, и там у нее сели батарейки в антирекламнике. Так она, прежде чем осознала этот факт, успела приобрести: итальянскую куртку из шкуры нерпы на четыре размера меньше, чем ей требовалось, серьги и кольцо с топазами, несколько комплектов шелкового постельного белья, два фаянсовых садовых вазона в форме жаб и еще плитку ручной росписи для бассейна, которого у нее отродясь не было.

— Спасибо, мотор для яхты не купила!.. Сидит, чуть не плачет. Я ей говорю: Таня, неужели вы совсем не чувствовали, что происходит? Она смотрит на меня вот такими глазами: Аллочка, вы представляете — нет! Мне казалось, что я покупаю все очень нужное и дельное. Ну нет бассейна, но вдруг он появится — а плитка уже есть.

— Ювелирно работают, паразиты, — сказал отец.

— Необязательно, — возразила мама. — Я должна сказать, что Танька такой человек: будь у нее антирекламник включен или выключен, ей все кажется, что она покупает нужное и дельное. И всегда берет впрок, как при социализме.

— И что же ей теперь делать?

— Да ничего. Плитку и жаб она купила в кредит, договор можно расторгнуть. Белье подарит на свадьбу, как и собиралась. Один комплект подарит, другие приобретает для других подарков. Я говорю: оставьте себе, раз уж все равно купили, в кои-то веки поспите на шелках. Отвечает: не хочу, глаза бы на эти шелка не глядели! На кольцо с серьгами у нее чек сохранился — придралась, что давит на палец и портит ауру, — вернула. А куртку назад не берут, будет перепродавать. Хочет теперь жаловаться в Союз потребителей.

— На кого?

— Не представляю, на кого. Там же висит объявление на входе, насчет волновой информации о товарах: или не заходи, или проверяй батарейки, или включи мозги... Ну ладно, Данил, что ты там вчера говорил про регистрацию?

Дэн принялся объяснять: правительство наконец-то признало, что замечает существование ПП-квартир. Но запретить горожанам устанавливать пор-

талы было бы так же затруднительно, как и в конце прошлого века запретить модемы, не зарегистрированные в МГТС. Ликвидировать даже обнаруженные квартиры, как известно, невозможно физически: при уничтожении коробочки-портала липовая жилплощадь не исчезает. А все же контролировать процесс необходимо. Порталы ставят не только родители с детьми и разведенные мужья с женами, но и желающие сдавать жилплощадь (все равно кому, только бы подороже), и разного рода предприниматели. А иногда порталы ставят и без ведома хозяев самых обычных квартир. Потом хозяева получают кошмарно возросшие счета за коммунальные услуги, спецназ выволакивает под локотки содержателей наркопритона, подпольного борделя, фабрики или просто приятелей друга внука ответственного квартиросъемщика.

В иных случаях квартиру удваивают, чтобы спокойно продать реплики материальных ценностей. Причем хозяева при встрече с операми таращат глаза: что вы несете, мой компьютер (видеоцентр, коллекция монет, картин, антиквариата...) на месте, никто ничего не крал! И даже самые что ни на есть приличные люди, селясь в ПП-квартирах, причиняют головную боль муниципальным службам: возросшие нагрузки на электросеть и канализацию — это вам не жук начихал.

А в то же время все эти проблемы разрешить можно, чего не скажешь о хронической нехватке простого трехмерного пространства в центре мегаполиса.

Регистрация обещала быть гуманной (возможность прописки на параллельные площади, всяческие льготы, снижение квартплаты почти в два раза, однако с обязательной отдельной оплатой), зато меры против уклонистов предполагались драконовские, вплоть до судебных исков. Устанавливать новые порталы можно будет абсолютно легально, для желающих предоставляются кредиты. Кредитуют и фирмы, занимающиеся установкой, в их числе та, где работал племянник Валерий. Зарабатывал он, кстати, и так неплохо. Они с женой и ребенком жили в ПП-квартире, отпочкованной от Ольгиной. Ксения, поселившись на постоянной жилплощади и родив Валерке сына, стала исключительно положительной молодой особой и явно склонялась к мысли, что Темных Богов не бывает. С ребенком они оба нянчились как ненормальные, гораздо больше, чем в свое время Дэн и Аня с Машкой. Внуки — это те, кто отомстят нашим детям за нас, смеялась Ольга. Несмотря на то что она стала бабушкой, у нее, впервые на памяти Дэна, всерьез налаживалась личная жизнь.

— Пора, в самом деле, заканчивать прятаться, — подытожил отец. — Может, хотя бы коммунальные службы будут порталы чинить. А то в эту фирму окаянную никогда не дозвонишься.

3. Год 2015. Москва, туристский центр

Опять он запутался в развертке и свернул не туда. Вместо перекрестка попал на автостоянку пешеходной зоны. Коли уж так вышло, Даниил Александрович решил перекусить и вышел на бульвар. Все здесь, конечно, дорого, зато погуляю, воздухом подышу.

Чугунный Пушкин склонял кудрявую голову над площадью, кишевшей туристами. После перепланировки под параллельное пространство тут все стало по-другому. Впрочем, казино и кинотеатр остались здесь, «Известия» — тоже (оборудовав, впрочем, персональный портал для сотрудников), зато «Макдональдс» правительство Москвы и Министерство культуры общими усилиями выперли-таки в транспортный узел — его место при Пушкине занял ресторан «Talone».

Тут царила невероятная, совершенно непривычная для современного москвича тишина. Площадь пешеходной зоны в центре Москвы — двадцать квадратных километров: все Садовое кольцо, кроме, сами понимаете, Кремля и еще некоторых особенных зданий. Шума машин не слышно. Совсем.

Давно, давно пора было. Все лучше, чем в прежние времена, когда в центре города пешеход не решался перейти без светофора даже самый узенький переулок. Или те безумные проекты, которые на полном серьезе рассматривались в начале века, вроде того, чтобы опустить весь центр под землю, а машины пустить поверху. Пушкина под землю! Дебилы.

На бульваре звенели детские голоса. Музыка, воробьиное чириканье, воркование голубей, клюющих кусочки печенья у многочисленных кафе. Подковы цокали по булыжной мостовой... Поедая блин с протертой брусникой, Дэн наблюдал за ребенком в матроске, который гонял палочкой обруч. Реальный гуляющий ребенок или нанятый турбюро? Не разберешь. Дэн попытался активизировать пассивную образованность и вспомнить, как называется эта игра. Вроде — серсо. Или серсо — это шарик на веревочке?..

Красота. Все счастливы: и транспортники, и турагентства, а уж искусствоведы всякие, историки — про них и речи нет. Жилищный кризис, конечно, не исчез: квартиры тут стоят бешеных денег — до сих пор, за два года, еще не все раскупили. (Хотя, по подсчетам журналистов, прибыль от проекта составила уже 300 — 500%.) А ведь можно было открыть и третье, и четвертое пространство. В Москве с некоторых пор есть одно здание, в котором их семь: дом номер 302-бис по Садовой улице. Фонд памяти Михаила Булгакова никогда не пасовал перед трудностями.

В мэрии думали и о том, как бы раскрыть ПП-пространства в спальных районах, но вовремя притормозили: многоэтажки свой ресурс выработали лет десять назад — так уж лучше сначала построить дома, а затем порталы, чем потом затевать стройку сразу в двух мирах.

Ну да лиха беда начало. Сейчас если кто и недоволен московскими властями, так это жители тех ПП-квартир, чьи окна после реконструкции выходят не на бульвар, а на транспортный узел. Теперь не видать им, бедным, ни из кухни, ни из гостиной Александра Сергеевича на фоне неба (реплику памятника продали в Санкт-Петербург, а на месте бульвара построили эстакаду), не слышать детских голосков и шелеста листвы... Дэн вспомнил Серегу Кузнецова и его супругу-поэтессу — как они развелись и разменяли на ПП Серегину квартиру на Малой Дмитровке. Серега прописал к себе Настю, у бывшей супруги поселился какой-то перец. И тут грянула реконструкция. В транспортный центр угодили поэтесса с перцем, а Серега с Настей — в туристский. Нежная душа поэтессы этого не вынесла, начались скандалы, угрозы суда. Настя подбивала Сергея наплевать на все и по-родственному разменяться со стервой — пусть себе

ФАНТАСТИКА

живет под Пушкиным и радуется, — но Серега стоял на своем: ПП ставили за его счет, поэтому его будущие дети имеют право жить в экологически чистом районе, а бывшая супруга не утомится навещать солнце русской поэзии через портал. Суд был неизбежен, исход — неясен...

Дэн доел блин, допил кофе, но все продолжал сидеть на скамейке, глядя перед собой и пытаясь сообразить, что же ему мешает наслаждаться идиллией. Специалисты рассчитали площади ПП, безопасные для целостности мира. У всех вроде бы получалось, что до критических площадей еще далеко. Но ведь известны случаи, когда экономические соображения изменяли предельно допустимые концентрации ядов в воздухе и воде — так кто сказал, что экономика не может влиять и на физические величины? Удвоение, утроение полезных площадей в центре Москвы — дело, конечно, хорошее. Пусть кто-то на этом руки греет — все равно у скольких людей жизнь пошла на лад. Но вот...

Как это будет, если мир все же лопнет, расслоится надвое, будто кленовое семечко? Порталы бездействуют, Серега никогда больше не встретит на лестничной клетке свою бывшую, но и Дэн никогда больше не увидит родителей, и дай-то Бог, чтобы Машка в этот момент была не в школе, а дома, с Аней... Население земного шара уменьшится вдвое (если неумолимая физика разделит нас ровно пополам). Включая президентов и прочих начальников. Скажем, наш окажется в другом пространстве, а американский — в том же, что мы, или наоборот...

ТЬфу! Чего только не лезет в голову. Ну что такое столица? Точка на карте. Ну пусть даже все крупные города мира — это лишь тысячные доли процента от общей площади шарика! Ни черта подобного не будет. В конце концов, за что коллегам-физикам деньги платят? Не зря же они прохлаждаются в своем ПП-Академгородке между улицей Вавилова и Ленинским проспектом?! Все будет хорошо.

Он выбросил обертку и стаканчик в мусорный бак и пошел обратно, к порталу.

Выезжая со стоянки, взглянул в небо. Ему показалось, что заходящее солнце стоит выше, чем было. Конечно, оттого, что исчезли старые дома и памятник Пушкину, уступив место эстакаде, горизонт кажется как будто ниже. Сам закат действительно был немного другим, шире растекался в дымке, которая всегда поднимается летом над городскими трассами. Это понятно. Но солнце-то все равно одно, правильно?

